

Будько Елена Александровна

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОБРЕ И ЗЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются особенности семантики добра и зла в контактирующих близкородственных языках. Объектом изучения являются фразеологические единицы, позволяющие сопоставить фрагменты русской и польской языковых картин мира. Отдельный интерес представляет детализация указанного общеоценочного содержания языковых единиц.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 1. С. 76-78. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Алексеева И. С.** Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 368 с.
2. **Гусаров Д. А.** Прагматика перевода: культурологический аспект (сопоставительный анализ на материале немецко-русских и англо-русских переводов): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 14 с.
3. **Кушнина Л. В.** Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2003. 232 с.
4. **Кушнина Л. В., Аликина Е. В.** Система оценки качества устного последовательного перевода в свете теории гармонизации // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2010. № 4 (10). С. 46-51.
5. **Латышев Л. К.** Курс перевода. Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения, 1981. 248 с.
6. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. 3-е изд. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
7. **Хорнби Н.** Hi-Fi / пер. с англ. Д. А. Карельский. СПб.: Амфора, 2005. 304 с.
8. **Шелдон С.** Тонкий расчет / пер. с англ. Т. А. Перцева. М.: АСТ, 2011. 348 с.
9. **Hornby N.** High Fidelity. London: Penguin Books, 2010. 256 p.
10. **Hornby N.** High Fidelity. München: Knaur Lemon, 1999. 275 S.
11. <http://webanketa.com/forms/6wtkce1h5wrkgdk46cv3gdg/> (дата обращения: 08.12.2016).
12. <http://webanketa.com/forms/6wtkec1j5xj66dsm6mrk4c0/> (дата обращения: 08.12.2016).
13. <http://webanketa.com/forms/6wtkce9p5wvpcrv175jp6sg/> (дата обращения: 08.12.2016).
14. **Neubert A. Pragmatik** // Handbuch Translation / M. Snell-Hornby, H. G. Hönl, P. Kußmaul, P. A. Schmitt (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2006. S. 56-58.
15. **Sheldon S.** The Best Laid Plans. N. Y.: William Morrow, 1998. 358 p.
16. **Sheldon S.** Zeit der Vergeltung. München: Goldmann, 2000. 347 S.

**TRANSLATION AS A TOOL FOR EVALUATION OF THE DEGREE
OF PERCEPTION OF THE CATEGORY “UNDERSTATEMENT”**

Bondar' Ol'ga Aleksandrovna
Nizhnevartovsk State University
bondar.ol@bk.ru

National standards of behaviour of a particular ethnic group are determined by the specificity of mentality and cultural values, the thing that in one culture is a communication standard can be inadmissible in another culture. So, in the British ethno-socium it is common to distance an interlocutor, to hide one's true feelings and thoughts, keep back or diminish the impact on the interlocutor, which is manifested in the modal category “understatement”. In this paper the author attempts to evaluate the perception of this category by the representatives of the German and the Russian linguistic cultures, which became possible thanks to the translation of the original statements in German and Russian.

Key words and phrases: understatement; distancing; translation; cross-cultural communication; mentality.

УДК 811.161.1'37+811.162.1'37

В статье рассматриваются особенности семантики добра и зла в контактирующих близкородственных языках. Объектом изучения являются фразеологические единицы, позволяющие сопоставить фрагменты русской и польской языковых картин мира. Отдельный интерес представляет детализация указанного общеоценочного содержания языковых единиц.

Ключевые слова и фразы: лексико-семантическая универсалия; родственные языки; фразеологическая единица; понятия добра и зла; семантическая оппозиция.

Будько Елена Александровна, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Нефтекамске
budkoea@mail.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ
В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОБРЕ И ЗЛЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Изучение универсального в содержании языка стало предметом научных исследований С. Ульмана, а впоследствии – Э. Сепира, Дж. Филлмора, А. Вежибицкой, М. М. Маковского, Б. А. Серебренникова и др.

Проблема универсального и национально-специфического в языке обусловлена наличием аналогичных признаков в культуре этноса: «Естественно полагать, что именно благодаря наличию универсального

компонента в языковой ментальности возможна межкультурная коммуникация, общение представителей различных ментально-лингвальных комплексов» [5, с. 101]. Осознать специфику языков разных народов можно при выявлении универсальных и специфических черт как в плане структуры, так и с позиции интегрального и дифференциального в их содержании.

Образуемая языком модель окружающей реальности является субъективным образом объективного мира, который определяется с помощью целой совокупности параметров: «Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий – близкий), временных (день – ночь, зима – лето), количественных, этических и других параметров. На её формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы» [4, с. 144].

Лексико-семантические универсалии делают возможной межкультурную коммуникацию, тогда как семантические универсалии обеспечивают общие тенденции динамики языков в содержательном плане [7, с. 292].

В этой связи особую значимость имеет рассмотрение языкового выражения фундаментальных мировоззренческих представлений человека, к числу которых относятся понятия добра и зла.

Добро и зло понимаются как предельные аксиологические универсалии в философии, как универсалии, основополагающие для морали и этики. В широком смысле добро и зло предполагают позитивные и негативные состояния человека и силы, вызывающие эти состояния; добро/зло соотносится с тем, что получает у людей положительную/отрицательную оценку или одобряется/порицается ими с какой-либо стороны.

Это наиболее общие понятия, употребляемые для обозначения положительной или отрицательной ценности предметов и явлений.

Указанное находит отражение в языковом сознании человека, типичными для которого являются представления о добре как о положительном, хорошем, полезном, нравственном, противоположном злу.

Изучение понятий добра и зла, восходящих к одному индоевропейскому корню, уже позволило лингвистам установить целый ряд лексико-семантических универсалий [3]. Повсеместно возрастающий в наши дни интерес к проблеме сопоставления русского и польского языков послужил причиной нашего обращения к этим контактирующим родственным языкам. Изученные фразеологические средства выражения семантики добра и зла позволяют установить близость конкретных фрагментов двух языковых картин мира.

При этом отмечено, что фразеологические единицы русского и польского языков (далее – ФЕ) используются в целях положительной характеристики человека и его качеств: *добрая душа* 'нежадный, щедрый человек', *добрый молодец, по доброй воле, люди доброй воли* [6, с. 169]; *po dobrej woli, dobra glowa* 'светлая голова, очень умный человек', *byc w dobrym humorze* 'человек с хорошим чувством юмора', *czlowiek dobrego serca* 'человек с добрым сердцем (ср.: у него большое сердце)', *dobrem slowem* 'добрым словом (кого-то помянуть)', *dobremu wszedzie dobrze* 'доброму везде хорошо', *po dobremu* 'поступить по-хорошему' и т.д. [2, с. 150; 11, т. 1, с. 174].

Положительную оценку во ФЕ получают богатство и благополучие человека: *золотое время* 'отрезок жизни, с которым связаны приятные воспоминания', *железное здоровье* 'прочное, крепкое здоровье', *золотое дно* [6, с. 191, 233; 9, с. 141]. Ср. *добро* 'имущество, вещи' (разг.): *чужое добро; накопить добра* [6, с. 169].

Эпитет *добры* употребляется и по отношению к представителям профессий, хорошо исполняющим свои обязанности: *добры piekarz, dobry kierowca, dobry profesor, dobry nauczyciel* (хороший пекарь, водитель, профессор, учитель) и др. [11, т. 1, с. 175].

Общеоценочная семантика отмечается также по отношению к ситуациям и состояниям: *дать (получить) добро* на что-л. (разг. и спец.), 'дать (получить) разрешение, согласие', *доброе старое время* (о прошлом; ирон.) [6, с. 169]; *dobrze daleko slychac* 'добро далеко слышать'; *dla czyjego dobra* 'для чужого добра (чтобы чужому человеку было хорошо)'; *добры знак* 'добрый знак'; *добры погода* 'хорошая погода'; *wszystko dobrze дай boze wytrzymac* 'всё хорошо, дай бог выдержать' [2, с. 150; 11, т. 1, с. 174].

В ряде выражений добро представляет явную противоположность злу: *добрая половина* 'противоположность меньшей, плохой половине', *доброем не кончить* 'то есть итог – зло', *до добра не доводит* 'дovedет до зла', *не к добру* 'к плохому, к беде, несчастью', *забывать добро* 'помнить зло' [6, с. 169; 9, с. 141]; *добры chleb kiedy nie ta kolacza* 'и хлеб сойдет, когда нет калача'; *wszystko dobre co sie dobrze konczy* 'всё хорошо, что хорошо кончается'; *czuc sie gdzie dobrze* 'чувствовать, где добро (а не зло)' [2, с. 150; 11, т. 1, с. 174]. Ср. *добро* о ком-чём-н. плохом, негодном (разг. пренебр.): *такого добра и даром не надо* [6, с. 169].

В русском языке фиксируются выражения, где добро принимает совершенно противоположный смысл, то есть определяется как зло: *этого добра хватает* 'то есть нечто бесполезного и так имеется достаточное количество', *от добра добра не ищут* 'нужно довольствоваться тем хорошим, что уже есть, и не искать лучшего' [Там же]. Это подчёркивает взаимообусловленность добра и зла. Ср. англ. *bad* 'evil, wicked, rotten' – амер. сленг *bad* 'excellent, attractive, outstanding'; др.-англ. *sēli* 'счастливый, добрый', 'несчастный'; русск. *благон* – литов. *blogas* 'плохой' [3].

Несмотря на субъективность представлений о добре и зле, для этноса эти понятия выступают в роли универсалий: «По своему императивно-ценностному содержанию “добро” и “зло” представляют собой две стороны одной медали. Они взаимоопределены, и в этом они как бы равны: человек узнаёт зло, поскольку имеет определенное представление о добре; он ценит добро, испытав на собственном опыте, что такое зло» [1, с. 61].

В обоих анализируемых языках встречаются единичные примеры, напрямую характеризующие человека с позиции зла: *злой дух, злой на язык, злые языки* [9, с. 174]; *sila zlego na jednego* 'сил злого на одного хватает', *zlocisty iskra* 'искра злости', *na zlodzieju czapka gore* [2, с. 150], ср. рус. *на воре шапка горит* [9, с. 532], *злонравный* 'с дурным нравом, характером' [6, с. 230].

Чаще всего употребляются единицы, которые характеризуют как зло поведение человека: *zlo berёт, zla ne хватаet na kogo-n., otplatit' zлом za dobro* [Там же]; *placic zлом za dobre, miara zla, mile zlego poczatki* [11, т. 2, s. 843]. Ср. *zломумышленник* 'человек, который совершает или совершил преступление злоумышленно' [6, с. 231].

Среди русских ФЕ отмечаются и те, которые характеризуют неодушевленные реалии: *zлая водица* 'алкоголь'; *zлоба дня* 'то, что в данное время, в данный момент волнует всех, привлекает всеобщее внимание' [6, с. 230; 9, с. 174].

Зло может восприниматься носителями языка как нечто неизбежное, с чем человек справиться не в силах: *iz двух зол vybrat' меньшее* 'склониться к тому, что хотя и плохо, но немного лучше другого' [6, с. 230]; *rodzi sie ze zla* 'родившийся во зле', *zлосc pieknosci szkodzi* 'злость губит красоту', *ze zлосcicią* 'со злобой, по злобе (что-то сделать)' [11, т. 2, s. 843].

Отрицательной оценке подвергается ситуация, повлекшая зло: Ср. *s грехом пополам* разг. 'кое-как, еле-еле' [6, с. 144], *Дело табак!* прост. 'плохо дело' [Там же, с. 787]; *pech chcial (niezszczęście chcialo)* 'как на беду, к несчастью', *na dobitek (dobitek) zlego (niezszczęścia)* 'в довершение зла, в довершение всех бед' [11, т. 2, s. 843].

ФЕ позволяют проследить религиозное восприятие мира носителями языка: *Бог миловал, избави Бог, чёрт (бес, нечистый, нечистый дух, нелёгкая, грех) попутал* кого-либо (прост.) 'кто-либо поддавался соблазну (сделать что-либо, обычно предосудительное)' [9, с. 39-40, 522-523].

Применимо к фактам русской и польской фразеологии можно говорить о внутренних семантических оппозициях «радость (счастье) – горе», «здоровье – смерть», «свет – тьма (слепота, чернота)», «Бог – чёрт (дьявол)», детализирующих дихотомию добра и зла.

В узком смысле добро соотносится с добротой – положительно оцениваемыми частными характеристиками. При обобщении оценки добро противопоставляется злу. Эти попытки объединить два понимания добра (узкое и широкое), а также придать акту совершения добра практический смысл были предприняты ещё в античной философии. На раннем этапе развития философской мысли добро трактовалось именно как удовольствие, польза, счастье, общепринятое, соответствующее обстоятельствам, целесообразное и т.д. Аналогичное представление о добре мы обнаруживаем и в семантике ФЕ русского и польского языков.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010. 288 с.
2. Бабин Д. М. Польско-русский, русско-польский словарь. Минск: ТетраСистемс; Тетралит, 2013. 512 с.
3. Батуева А. А. Мифологема добра и зла в индоевропейских языках: дисс. ... к. филол. н. М., 2008. 193 с.
4. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2007. 296 с.
5. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд-е. М.: Темп, 2010. 874 с.
7. Ульман С. Семантические универсали // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. V. С. 250-299.
8. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1021 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд-е, стер. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
10. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1988. Вып. 15. 264 с.; 1997. Вып. 24. 238 с.
11. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego: T. I-II. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973. T. I: A-P. 788 s.; T. II: R-Ż. 905 s.

LEXICAL-SEMANTIC UNIVERSALS IN THE CONTEXT OF THE IDEAS OF GOOD AND EVIL (BY THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN AND POLISH)

Bud'ko Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Neftekamsk
budkoea@mail.ru

The article discusses the features of the semantics of good and evil in contacting closely related languages. The object of the study is phraseological units that allow comparing the fragments of the Russian and Polish language worldviews. The author is particularly interested in the detailing of the specified general evaluative content of language units.

Key words and phrases: lexical-semantic universal; kindred languages; phraseological unit; notions of good and evil; semantic opposition.